

Когда дела навалились, Ин Кунту очень быстро выбросил из головы мужчину, приводившего кошку поклониться горному богу. Получив свидетельства о праве собственности на горы, он как раз застал несколько дней непрерывных дождей. Лишь когда дождь наконец прекратился, он собрал заплечную корзину и собрался подняться в горы с обходом.

Управление горными лесами было не только его прямой обязанностью как горного бога, но и его обязанностью как собственника. После оформления прав он нёс ответственность за состояние лесных угодий. Дожди шли так долго, что если не провести осмотр, не выявить и не устранить скрытые опасности, и в результате случится оползень и повлечет серьёзный ущерб людям или имуществу, так что даже горного бога привлекут к ответственности и подадут на него в суд.

Нынешние ведомства следили за порядком куда строже, чем в прошлом, об этом Ин Кунту предупреждали ещё при подаче документов. Поэтому он очень внимательно изучил законы и подзаконные акты, касающиеся управления горами и лесами, а также регламент Аномального управления. В случае серьёзного происшествия его, как горного бога, вполне могли отправить в специальную тюрьму.

С раннего утра Ин Кунту пешком дошёл до подножия горы Учжуань и, как обычно, начал подъём именно с неё. Гора была довольно большой, поэтому сегодня он планировал обойти Учжуань, а на следующий день соседнюю гору Цинфан.

После дождей лес был скользким, а почва - рыхлой. Ин Кунту не упал, но обувь и штанины основательно перепачкались в грязи. Он шёл с обходом и по ходу делал записи в блокноте. Пробудившись полгода назад, Ин Кунту уже научился пользоваться современной ручкой, хотя писал по-прежнему традиционными иероглифами. В блокноте он отметил несколько потенциально опасных участков.

В местах, где почва рыхлая и начала сползать, необходимо устроить подпорные земляные стены, чтобы предотвратить оползни. Там, где деревья растут слишком густо, следует со временем провести выборочную вырубку, впустить солнечный свет, обеспечить проветривание и тем самым снизить риск болезней и вредителей. А в местах, где скопилось много сухих веток и опавшей листвы, всё это нужно убрать, чтобы в один из дней не вспыхнул пожар и не сгорела вся гора.

Весна в этих краях - период повышенной опасности лесных пожаров. Если на склонах слишком много сухостоя и растительных остатков, из-за высокой температуры, возникающей при их разложении, может произойти самовозгорание, и тогда, в случае возгорания леса, соответствующие службы привлекут к ответственности управляющего территорией. Разумеется, если владелец лесных угодий добросовестно выполнял все требования, но пожар, оползень или иное стихийное бедствие всё же произошло, ответственность ложится уже на государство.

Горы вроде Учжуань ранее считались заброшенными, ими долгие годы никто не занимался, поэтому их состояние было довольно плачевным. Теперь, когда Ин Кунту вернул себе эти земли, ему предстояло вложить немало сил в их приведение в порядок. Делая записи, он

поднял взгляд на густой и беспорядочный лес и решил, что придётся вырубить ещё часть деревьев. Правила управления требовали, чтобы в горах были проложены дороги и тропы, по которым в случае чрезвычайной ситуации могли бы пройти спасательные службы. Ему нужно было расчистить подлесок, провести вырубку и заново привести в порядок дороги внутри леса.

Это было по-настоящему масштабное дело.

Ин Кунту беззвучно вздохнул, убрал ручку и блокнот и, закинув за спину корзину, двинулся дальше. Эта гора считалась заброшенной, но это вовсе не означало, что она была по-настоящему пустынной. Напротив, она кипела жизнью, растительность была густой и пышной. Идя сквозь лес, Ин Кунту ощущал присутствие множества живых существ. Просто его силы теперь были куда слабее прежних, и он мог лишь смутно чувствовать чьё-то существование, не различая, какие именно существа скрываются вокруг.

Он уже прошёл этот участок, поднимаясь по склону, как вдруг ощутил под слоем бурьяна бурную, живую силу какого-то растения. Ин Кунту остановился, сделал шаг назад и вернулся. Перед ним тянулись заросли сорной травы; толстый слой сосновых иголок и всевозможной опавшей листвы скрывал корни растений, и с первого взгляда ничего необычного разглядеть было невозможно. Он присел на корточки и осторожно раздвинул траву и листья и лишь тогда увидел, что под ними прячется целая куртина ярко-зелёных папоротников. Они только что проросли, вайи ещё не успели развернуться, выглядели плотными, налитыми соком и удивительно нежными. Неудивительно, что он почувствовал такую сильную жизненную энергию.

Ин Кунту слегка надломил один побег - пухлый папоротник с тихим хрустом отломился, источая свежий травяной аромат с лёгкой огуречной ноткой. Он поднёс побег к носу, и насыщенный, чистый запах мгновенно пробудил все его чувства.

— Неужели это папоротник цзяго, — прошептал он.

Глаза Ин Кунту загорелись; он снова вдохнул аромат, и на его лице появилась улыбка.

В горах папоротников росло великое множество, и далеко не каждый из них был съедобен. А среди съедобных немало таких, что отличались горечью и грубостью и плохо подходили в пищу. Попавшийся ему папоротник цзяго, напротив, был на редкость вкусным - нежным, ароматным, свежим. Раньше Ин Кунту называл его просто папоротником, не различая видов; название «цзяго» он узнал лишь недавно из книг.

Эти побеги были слишком хороши, чтобы пройти мимо. Он снова вдохнул запах папоротника у себя в руке и, выбирая, наломал из зарослей ещё немало. У одной и той же дикорастущей зелени вкус меняется в зависимости от места произрастания и стадии роста, и Ин Кунту старался срывать лишь те побеги, что пахли и чувствовались лучше всего.

Ин Кунту принялся тщательно прочёсывать окрестности. Весной прорастает множество дикорастущих съедобных трав, и в горах папоротник цзяго тоже вышел обильно. Он искал и

собирал одновременно, выбирая лишь самые хрупкие, нежные и вкусные побеги. Набрав приличную охапку, он тут же, подручными средствами, выдёргивал рядом растущую траву и связывал собранный папоротник в пучок.

Целый день он обходил гору, и когда во второй половине дня спустился вниз, его заплечная корзина была до краёв наполнена папоротником цзяго: все побеги длиной около трёх цуней и толщиной с палец, нежные листья свернувшиеся в плотные завитки, ярко-зелёные, свежие и ароматные - отборный папоротник.

Он нёс за спиной корзину и шёл по улице, и многие прохожие оборачивались, зачастую по нескольку раз. Впервые их внимание было приковано не к нему самому, а к целой корзине папоротника у него за спиной - завистливые взгляды говорили сами за себя.

— Парень, да у тебя папоротник такой нежный!

— Выглядит просто загляденье.

— Никогда не видел такого сочного папоротника, где ты его собрал?

Одна более общительная тётушка первой заговорила, и люди тут же стали подходить ближе. Ин Кунту ответил, что это папоротник с его собственной горы.

Услышав это, окружающие сразу заговорили:

— На продажу собрал? Сколько за катти?

Ин Кунту оказался окружён и вынужден был ответить:

— Нет, это не на продажу, я собрал для себя.

— Продай хоть немного.

— Такая большая корзина, вы всё равно дома не съедите.

— Точно, такой хороший папоротник сушить - одно расстройство.

Люди наперебой уговаривали его и одновременно начинали называть цену - сначала десять, потом двадцать, тридцать, и постепенно дошли до пятидесяти. При этом они ещё и советовали Ин Кунту продать всё, а потом, если понадобится, снова сходить собрать.

Раньше Ин Кунту и в голову не приходило, что дикорастущие травы можно продавать. Когда

цены были озвучены, он заколебался. Сегодня, обходя гору, он отметил немало опасных мест. Чтобы устранить эти риски, нужно было покупать материалы и нанимать рабочих. А сейчас его основным доходом оставалась ежемесячная субсидия в пять тысяч, которую выплачивало Управление по аномалиям; все его накопления к этому моменту не превышали пятнадцати тысяч. Деньги действительно были нужны.

Одна из бойких тётушек, заметив его колебания, тут же сбегала к ближайшему торговцу и одолжила у него весы - прямо на улице начали взвешивать папоротник. Пятьдесят один катти папоротника цзяго - всё взвесили, и деньги тут же были розданы без малейшей задержки, будто все боялись, что Ин Кунту передумает. К тому же папоротник уже был связан травой в пучки, так что даже пакеты не понадобились: взвесили - и каждый унёс домой по охапке.

Ин Кунту и представить не мог, что его первый в жизни торговый опыт окажется таким. Добродушные тётки и дяди сами выбирали папоротник, сами взвешивали, сами расплачивались. От него требовалось лишь принимать деньги, давать сдачу и показывать QR-код на телефоне - разве что каждому покупателю он ещё добавлял в подарок пару лишних побегов папоротника.

Эта партия папоротника цзяго оказалась куда более востребованной, чем Ин Кунту ожидал: полная, до краёв набитая корзина была почти распродана менее чем за полчаса. Наличными и на счёте в телефоне у него в сумме набралось целых шестьсот тридцать юаней - вполне достаточно, чтобы купить первую партию инструментов для расчистки горного леса.

В корзине осталось лишь два пучка папоротника, и Ин Кунту тут же бережно их прикрыл, свернул торговлю и отправился домой. Это был первый папоротник, собранный им после пробуждения, как бы то ни было, попробовать его он был просто обязан.

Вернувшись, Ин Кунту сразу же занёс папоротник цзяго на кухню.

Он зачерпнул таз колодезной воды, взял маленькую табуретку и уселся во дворе, перебирая и промывая побеги. Свернувшиеся листья папоротника были покрыты мягким пушком, поэтому сперва нужно было смыть ворс, а затем обдать папоротник кипятком и снова промыть.

Когда опустились сумерки, Ин Кунту никуда не спешил. Закончив с промывкой, он отнёс папоротник на кухню, сложил его и развёл огонь в очаге. Эта печь была сложена совсем недавно. Только пробудившись, Ин Кунту никак не мог привыкнуть к современной жизни. Небольшой дворик, выделенный ему Управлением по аномалиям, имел оборудованную кухню внутри дома, но пользоваться ею ему было непривычно. Позже его связной Син Чан помог подать заявку и нашёл мастера-каменщика, который пристроил во дворе отдельную кухню.

В этой кухне топили дровами, использовали большую печь; когда топку закладывали поленьями доверху, огонь разгорался особенно сильно, и вода в большом котле закипала очень быстро.

В таком большом котле папоротник цзяго ошпаривался очень быстро. Ин Кунту выловил его, переложил в широкий таз, зачерпнул две большие ложки прохладной колодезной воды и начал

вымачивать, промывая. Едва ошпаренный, папоротник уже источал тонкий аромат; Ин Кунту попробовал кусочек и понял, что вкус в точности такой, каким он его себе представлял.

Хороший папоротник нужно жарить с хорошей копчёной свиной. В холодильнике как раз лежала вяленая свинина, которую ему подарил Син Чан. Ин Кунту достал кусок, положил его в тщательно вымытый большой котёл и поставил вариться, чтобы выварить лишнюю соль и избежать излишней солёности.

Когда мясо как следует проварилось, он вынул его, ополоснул чистой водой, переложил на разделочную доску и нарезал тонкими ломтями. Это была копчёная свиная грудинка: после засолки и вяления жировая часть стала похожа на жёлтый каменный сахар - полупрозрачная, плотная, а постная часть пропиталась жиром, блестела и выглядела сочной. Он взял один ломтик и попробовал его без всего - отчётливо чувствовался особый мясной аромат, рождённый временем и ферментацией.

Перекусывая копчёной свиной, Ин Кунту вынул из воды папоротник, дал стечь влаге, тщательно отжал и разорвал побеги на полоски. В дровяной печи ярко пылали поленья, непрерывно снабжая большой чугунный котёл жаром; стоя рядом, Ин Кунту чувствовал, как воздух ощутимо нагревается. Когда котёл накопил достаточно тепла, он плеснул немного масла, чтобы смазать дно, и выложил ломтики копчёной грудинки. Раздалось характерное шипение, и аромат мгновенно разнёсся по кухне.

Жир из копчёной грудинки начал вытапливаться, и накопленные за долгое время вкусы высвобождались, словно туман, клубясь и медленно заполняя кухню. Ин Кунту всыпал горсть чеснока и сушёного перца; едва аромат поднялся, он тут же высыпал в котёл изумрудно-зелёный папоротник. Папоротник был только что собран, ещё хранил в себе горную свежесть, и стоило ему смешаться с насыщенным вкусом копчёного мяса, как едва заметная горчинка мгновенно исчезла, уступив место чистому, яркому вкусу.

Более трёхсот лет назад Ин Кунту уже готовил это блюдо в похожем маленьком дворике. Тогда на кухне тоже была дровяная печь; каждый раз, когда он готовил, поднимался пар и дым, образуя в солнечном или свечном свете тонкие столбы. И сейчас в кухне всё так же стоял густой аромат, в котле всё так же блестело мясо, а весенний папоротник был по-прежнему молод и сочен.

Ин Кунту переложил готовое блюдо из копчёной грудинки с папоротником на керамическое блюдо, вынес его во двор и поставил на деревянный стол. Подхватив палочками кусочек и отправив его в рот, он тут же прищурился.

Это оказалось даже вкуснее, чем он ожидал.

Насыщенная копчёная грудинка и нежный папоротник соединились в идеальном сочетании: солоновато-сочное мясо наделяло папоротник маслянистым ароматом, а хрустящая, свежая зелень в ответ дарила мясу лёгкую, чистую свежесть.

За прошедшие века Ин Кунту ел это блюдо бессчётное количество раз, и каждый раз оно неизменно дарило ему то же самое ощущение вкусового удовлетворения.

Он сделал ещё несколько глотков, отпил чай и с довольным видом посмотрел вдаль. К этому часу алые отблески заката уже рассеялись, небо стало фиолетово-серым, а далёкие горы скрылись во тьме, превратившись в тёмный, почти сплошной силуэт. Ужинавший Ин Кунту, обдуваемый вечерним ветерком, ясно чувствовал: что-то изменилось, но в то же время что-то осталось прежним.

Пробудившись вновь, он понял - здесь по-прежнему был его дом.

<http://bllate.org/book/14957/1326143>